

Кап...

Вот сорвалась одна капелька. Медленно собираясь под сводами, они время от времени бессильно падали вниз, оставляя на сталактитах частички извести.

Сталактитами был усеян весь свод пещеры. Не из золота, но схожего желтоватого оттенка, они свисали с потолка подобно сосулькам.

Пол же пещеры представлял собой водную гладь. Сюда выходила одна из подземных водных жил. Она несла свои воды медленно и молчаливо.

Кап...

Следующая капля сорвалась со свода пещеры. По безмятежной глади побежали круги. Рябь расходилась концентрическими окружностями, накладываясь друг на друга и образуя на поверхности сложные узоры.

Возможно, именно это внесло нотку хаоса в безмятежное сердце? Сидевшая на поверхности вод человеческая фигура вздрогнула. Человек был полностью обнажён. Чистая белоснежная кожа, длинные волосы, ниспадавшие до самой водной глади, необычайно алые губы...

Судя по изгибам тела, силуэт был женским. Обнажённая, сидящая на поверхности воды фигура принадлежала женщине.

Веки дрогнули и, чуть помедлив, приоткрылись. Глаза её искрились словно звездопад и производили сногшибательный эффект. Это та самая женская красота, при виде которой сердце замирает даже у солнца.

Стоило женщине открыть глаза, как чей-то тихий голос упрекнул её. Он прозвучал хрипло и надтреснуто, а когда эхо его подхватило и отразило от стен, стал звучать ещё и зловеще.

«Почему вы прервались? Сегодняшняя тренировка ещё не окончена.»

Женщина повернула голову в сторону говорившего. На островке земли, неподалёку от неё, обнаружился согбенный старик. У него была горбатая спина, редкие седые волосы и миниатюрное, будто у ребёнка, тело. Лицо было сплошь усеяно возрастными пятнами и несколькими слоями морщин, что образовывали складки, в следствие чего трудно даже было предположить, как оно могло выглядеть в юности.

Посмотрев на старика, женщина качнула головой.

«Умиротворение в сердце нарушено. Вряд ли получится сосредоточиться сегодня ещё раз. Бафи, а давай вернёмся к недавнему разговору? Я про тот слух о некоем святом, что объявился в местности, называемой Павитоном.»

Женщина беззвучно поднялась с поверхности воды.

Плеск! – По воде пробежали круги, омыв белоснежные ножки женщины, и вдруг вокруг неё вздыбилось нечто, что переместило её тело к берегу. Нечто прозрачное, похожее на огромный водянистый сгусток.

Женщина очутилась прямо напротив старика, которого именовала Бафи. Ничуть не стесняясь своей наготы, она величественно скрестила на груди руки.

Сгусток вынес из вод что-то ещё и набросил на женщину сверху. Синяя ткань бесшумно развернулась, накрывая её тело.

«Расскажи мне снова об этом святом. О человеке, который заставляет людей собирать листья дуба.»

Бафи тяжело вздохнул. Он укорял себя за то, что своей несвоевременной болтливостью сорвал тренировку хозяйки.

«Да я уже всё рассказал. Не знаю, случайным ли является такое совпадение, но он использует листья дуба как компонент для излечения лихорадки. Говорят, это старик весьма преклонных лет. Так что он вряд ли может быть тем человеком, которого вы, хозяйка, ищете.»

«Как знать, как знать... Зион вполне мог замаскироваться и под старика. Ты смог узнать его имя?»

С губ женщины сорвалось имя Зион! Не так уж много в мире людей, кто мог знать о нём – истинном имени Широ́на, которым его звали в годы юности. В те времена, когда он ещё проживал на территории культа Кроноса.

Бафи скорбно покачал головой: «Имени узнать я не смог, но вряд ли это то самое дитя по имени Зион. Кроме того, я не уверен, что это не ловушка Луанских ублюдков. Возможно, они специально использовали листья дуба, чтобы собрать братьев культа в одном месте, после чего окончательно всех уничтожить!»

Похоже, слова Бафи женщину серьёзно расстроили. Она явно надеялась, что появившийся ниоткуда павитонский святой окажется тем самым человеком, которого она искала.

Женщина тяжело вздохнула, и Бафи захотелось её утешить.

«Если тот малый по имени Зион жив, то рано или поздно сам явится вам, хозяйка. Вам же стоит сосредоточиться на тренировках. Чтобы восстановить культ, придётся набраться сил как следует.»

Его слова возымели действие. Женщина молча кивнула и вновь направилась к воде. Ледяное подземное течение обожгло кожу. Она села на водную гладь и прикрыла глаза.

Её звали Хизис. Она была одной из четырёх выживших детей Ордена Кроноса.

Лихорадка, свирепствовавшая зимой, с приближением весны резко пошла на спад. По мере распространения среди людей профилактических мер, что были внедрены в провинции Павитон, число новых больных сильно сократилось.

Добродетель павитонского святого пребывала на недостижимой высоте. Эффект лекарства был настолько силен, что стоило принять его лишь раз, как болезнь тут же сходила на нет.

За зиму изменилось ещё кое-что. И это население Павитона, которое стремительно увеличилось во многом благодаря павитонскому святому. Хотя на самом деле это было следствием просьбы, с которой Широ́н обратился к Йехинаталу.

Широ́н просил некроманта не сообщать больным о том, что их болезнь излечена. Йехинатал не знал причину такой просьбы, однако исполнял её неукоснительно. А его неприветливость по отношению к пациентам только усиливала эффект.

Примеры таких бесед привести совсем нетрудно, поскольку оные повторялись в обиталище Йехинатала десятки раз на день.

«Спасибо вам, достопочтеннейший святой! Вы мне в самом деле жизнь спасли. Я должен как-то отблагодарить вас за это благодеяние... Только намекните, чем. Я сделаю что угодно, если это будет в моих силах.»

Примерно эти слова говорили почти все больные после того, как выпивали выдаваемый Йехинаталом лекарственный отвар. Ну а как не благодарить, когда тебя только что вылечили от страшнейшей болезни, да ещё и не требуя за это никакой платы?

После чего Йехинатал, лукаво сверкнув глазами, отвечал: «Ну, не то чтобы способа отплатить мне не существует. В данный момент меня интересует мозг живых... Кстати, не хотите ли пожертвовать свой? Ваше имя будет увековечено в памяти потомков!»

Многих больных полусутоливый тон Йехинатала сбивал с толку. «Не может же быть, чтобы павитонский святой и в самом деле жаждал заполучить мозг живых людей!» – думали они, пытаясь усиленно понять, что же в действительности кроется за этой «метафорой».

И указывая на свою голову, больные переспрашивали: «А? Говоря о мозге, вы?.. А может быть?..»

Ни один ублюдок не воспылал сходу желанием подарить свой мозг Йехинаталу! А ведь если он подтвердит свою просьбу, то уже вряд ли сможет добиться того эффекта, к которому стремился Широн. И ему (великому некроманту!) ничего не оставалось, кроме как продолжать отыгрывать роль какого-то презренного святого.

И на этом раздражённый Йехинатал просто приказывал своему пациенту проваливать.

«Ай, бог с ним. Выметайтесь уже. Скорее, я очень занят!»

При этом он отмахивался рукой, призывая прекратить ему надоедать. Однако пациенты были иного мнения. Им хотелось услышать от святого однозначный ответ.

«Я... Досточтимый святой, скажите, а моя лихорадка вылечена окончательно?»

Каждого из пациентов больше всего интересовало именно это. Прошла болезнь или нет?

Однако от этого вопроса ярость Йехинатала лишь нарастала. Дело в том, что он сам не знал точного ответа. Лекарство изготовил Широн, вот только как?!

«Ох, не знаю! Вылечена или нет – можно будет увидеть со временем. Проваливай уже!»

После чего, Йехинатал, как правило, окончательно прогонял пациента.

Изгнанные таким образом люди пребывали в состоянии смятения и тревоги. Сейчас-то лихорадка, может, и излечена, что хорошо, но кто знает, не случится ли рецидив? Не лучше ли остаться где-нибудь поблизости, чтобы когда болезнь вернётся, ещё раз получить лечение святого?

Некоторые пациенты хватали Йехинатала за руки, умоляя дать лекарство впрок. Просьба была резонной, но некромант даже бровью не вёл. Он и не пытался вступать в полемику. Просто говорил, что если пациент сейчас же не уберётся с глаз долой, то он отменит благословение с

принятого им лекарства. И это срабатывало.

Выйдя от него, пациенты бросались докучать просьбами о помощи Хериджан и Реджине. Но и от них добиться нужного ответа не получалось. В результате, люди занимали земельные участки у подножия Павитона и селились там.

Шиرون позаботился обо всём заранее. В вопросах, касающихся инфекции, он был наделён всей полнотой власти.

Потому с самого начала эпидемии принялся за строительство крупного поселения у подножия Павитона. В горах древесины хватало, так что недостатка в материалах для строительства не было. А поскольку на дворе сезон отдыха от сельскохозяйственных работ, с количеством рабочих рук также не возникло проблем.

Правда, нашлись фермеры, которые жаловались на несвоевременный тяжкий труд. Но когда им объяснили, что если не построить отдельную деревню для больных, то все они отправятся жить в их селения, возражения отпали сами собой.

Первым делом вырыли колодцы и поставили двести бревенчатых срубов. В них селили больных, получивших лекарство от Йехинатала и теперь идущих на поправку, а также их семьи.

Шиرون выделял дома и землю бесплатно, но взамен пристраивал к работе. В первую очередь требовалось возводить новые срубы для следующей партии людей, во вторую – расчищать землю под пашни, поскольку приближалась весна.

Стремившиеся к Павитону больные имели самые различные навыки. Были среди них и крестьяне, и плотники, и кузнецы. Изредка, но среди них встречались воины. И даже нашлись трое рыцарей.

Шиرون тщательно проверял навыки новоприбывших и пристраивал к делу. Крестьян заставлял возделывать землю, плотников и кузнецов отправлял на строительство срубов. Опытных в военном деле он собрал в отдельный отряд, временно поручив охрану порядка в деревне. Женщины делили обязанности по совместным приготовлению пищи и шитью.

Не всё шло гладко, имелись и некоторые трудности. В первую очередь, не хватало тканей, однако это было не так уж сложно исправить. Шиرون предвидел данный момент и потому закупил большое количество ткани и шкур. Этого было мало, но кое-как на жизнь должно было хватить.

Второй вопрос касался продовольствия. И это была самая большая и трудная проблема, поскольку зима шла к концу, и весна была уже не за горами. Даже если бы зерно запасли заранее, на такое количество голодных ртов его всё равно бы не хватило. Трудно было найти не только пшеницу, но и ячмень, который прорастает даже в холодное время года.

Шиرون убеждал графа Монтеня долго и всерьёз. Дело в том, что склады крепости были под завязку забиты зерном. Это делали в рамках подготовки к вероятной войне и длительной осаде.

Шиرون настаивал на том, чтобы изъять продовольствие в пользу новых поселенцев. Монтень, само собой, упорно отказывал.

Как бы хорошо он ни относился к Шиرونу, это совсем иной вопрос. Кто знает, когда начнётся вторжение Колома? Транжирить стратегический запас никак нельзя! Вот раздашь ты его сейчас тем поселенцам, а они перед угрозой Колома просто разбегутся!

В итоге устроили собрание. На нём присутствовали все пятнадцать рыцарей включая Широ́на. Из них восемь рыцарей помоложе соглашались с его мнением. Остальные шесть более опытных воителей склонялись к точке зрения графа. Жаркий спор продолжался и ему не было видно конца.

«Стоп, стоп! Давайте вернёмся к исходным данным. Широ́н, опиши ситуацию ещё раз, со всеми подробностями», – в который раз дал граф Широ́ну право голоса.

Пусть он и выступал против Широ́на в вопросе открытия доступа к зернохранилищам, однако, насколько это возможно, уважал его мнение.

«Да, господин граф. В настоящий момент толпа у подножия Павитона не поддаётся точному исчислению, но по грубым прикидкам их свыше тридцати тысяч человек. И толпа всё ещё понемногу растёт. Тридцать тысяч человек – это чуть больше половины всего нынешнего населения провинции. Ни для кого из нас не секрет, что при обилии ресурсов Павитона, у нас слишком малое население. Поэтому я считаю, что нам стоит воспользоваться столь благоприятным шансом поселить их здесь.»

Все закивали. Граф тоже против такого не возражал. Действительно, увеличить количество населения феода не так-то просто и нынешняя ситуация – хороший шанс.

«Кроме того, новоприбывшие весьма хороши. Все они физически крепки и выносливы, поскольку смогли добраться до Павитона несмотря на жуткую лихорадку. Среди них трудно отыскать немощных или стариков, так что в большинстве своём они сослужат нам хорошую службу. Есть и крестьяне, и плотники, и кузнецы, а также воины и даже представители рыцарского сословия. И практически все проблемы решаемы. Загвоздка исключительно в продовольствии.»

Пояснения Широ́на были логичны, поэтому даже матёрые рыцари понемногу кивали. Люди с профессиями, которые он перечислял, действительно были нужны провинции Павитон.

«Однако мы не можем знать, когда нападёт Колом. Если раздадим имеющиеся у нас запасы продовольствия и вдруг случится война, то при осаде просто перемерём с голоду. Как нам решать эту проблему?» – с серьёзным видом оглаживая подбородок спросил граф Монтень.

Похоже, именно этого Широ́н и ждал, поскольку ответил: «Я согласен с тем, что мы не можем раздать всю имеющуюся у нас провизию. Следует оставить хотя бы минимально возможный запас, который способны съесть солдаты за две недели. Насколько мне известно, сейчас объёмы продовольствия в крепости превышают этот уровень в двадцать раз. Так воспользуемся же этим излишком!»

Рыцари стали возражать.

«Оставлять провизию лишь на две недели крайне рискованно. По самым скромным оценкам, четырнадцать дней понадобятся лишь на то, чтобы рыцарский орден Беньона выслал нам подмогу. А ведь будут идти бои за крепость, и при недостатке питания боевой дух солдат резко снизится. Так что нам требуются запасы минимум на два месяца. Да и почему, говоря о пище, мы имеем в виду лишь солдат? В крепости ведь будут находиться и семьи...»

«Война ведь не начнётся прямо сейчас. Если затребовать у торговцев, использующих нашу крепость как перевалочную базу, продукты на продажу, мы сможем ещё раз заполнить хранилища до некоторого уровня. Конечно, зерно в нынешний период очень дорогое. Однако с прибавкой в тридцать тысяч человек населения мы сможем весьма быстро вернуть эти деньги в

качестве налогов. Нужно лишь продержаться до лета – и наши доходы удвоятся. Ведь собравшиеся ныне в Павитоне люди являются экономически активным населением.»

Речи Широ́на также были резонны.

Что принесёт резкий рост населения – серьёзный кризис или светлое будущее?

Все сильно задумались над этими двумя крайностями.

«Если не предоставим им пищу сейчас, население фео́да не вырастет. И даже если переживём кризис, встретив осаду Колома за стенами крепости, что нам с того? Ведь как ни напрягай зрение, а развивающегося фео́да мы так и не увидим. Так и будем пожизненно бояться коломцев и уповать на подмогу из центра.»

Широ́н ткнул прямо в самое больное место. Кому хочется торчать в осаде, ожидая спасения от королевских армий?

«И однажды подкрепление из центра запоздает, и этот фео́д будет разорён.»

Теперь он ткнул в узел, с которым были связаны личные страхи графа. Лица Монте́ня и рыцарей исказились.

«Но с нынешнего дня всё будет по-другому. Если сделаем беженцев полноправными жителями провинции, они перевезут сюда и свои семьи. Я не утверждаю, что мы должны заниматься благотворительностью и раздавать еду даром. Напротив – это будет взаимовыгодный обмен. Мы предоставим место для жилья и возможность лечить болезни, а взамен потребуем помощь в защите фео́да. Если грамотно распорядимся этими возможностями, то сможем защищать это место собственными силами.»

Воцарилась мёртвая тишина. В голову не приходило ни единого аргумента против, ведь им только что ткнули в больные места и предложили способ исцеления.

Широ́н повернулся к графу и взглянул чуть поверх его головы. В том месте висела шкура тигра, которую он с молодыми рыцарями добыли на охоте, после чего презентовали графу. Уставившись в синие глаза тигра, он указал рукой.

«Посмотрите. Пред вами тигр, которого называют духовным зверем из духовных зверей. И этот тигр ещё больше и ещё величественнее, чем тот, который имеется у короля Галика. Случайно ли этот духовный зверь попал в наши руки именно сейчас? Я так не думаю. То, что нам удалось его изловить – знак свыше, указывающий, что нашему фео́ду настало время возвыситься до самых небес. Кто изловил этого тигра? Мы! Так стоит ли нам бояться каких-то там коломцев?»

Время принятия трудных решений! Когда оно наступает, многие из нас нелепо полагаются на сверхъестественные знамения, а не на трезвый расчёт. Не потому ли, что нам не хочется нести суровую ответственность за собственные суждения? Даже рассудительные и уверенные в себе люди порой принимают решения сердцем, полагаясь на волю случая.

Широ́н видел природу таких людей насквозь. Потому в нужный момент выставил тигра знаком свыше.

Все рыцари, включая графа Монте́ня, подняли головы и уставились на шкуру тигра.

Ввергающие в дрожь глаза и зубы! Этого духовного зверя они действительно изловили

собственными руками. Может, как и сказал Широн, это действительно знамение, указывающее на начало возрождения феода?

Все потихоньку начинали склоняться к этому выводу. Вид шкуры тигра придавал им мужества.

Граф Монтень первым поднялся со своего места и провозгласил: «Широн прав. Духовный зверь – это знак, посланный Небом. Я распоряжусь раздать всю провизию, за исключением количества, которое нужно нашим солдатам на две недели. Мы откроем все крепостные склады и начнём закупать провизию заново. Взамен этого, Широн...»

Глаза графа обратились к Широну.

«...Начинай вербовать беженцев. Пусть станут новыми жителями феода и помогут нам в противостоянии с коломцами. И если в самом начале войны с Коломом они бросятся наутёк, буду спрашивать за это лично с тебя.»

«Так точно!» – громко ответил Широн и преклонил колени.

Теперь реальная власть в феоде фактически находилась у него в руках. Анонсированный Биюму следующий шаг начинал приносить дивиденды.

<http://tl.rulate.ru/book/104928/3680448>